

1854-й ГОДЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Н. МАЙКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1854-й ГОДЪ.

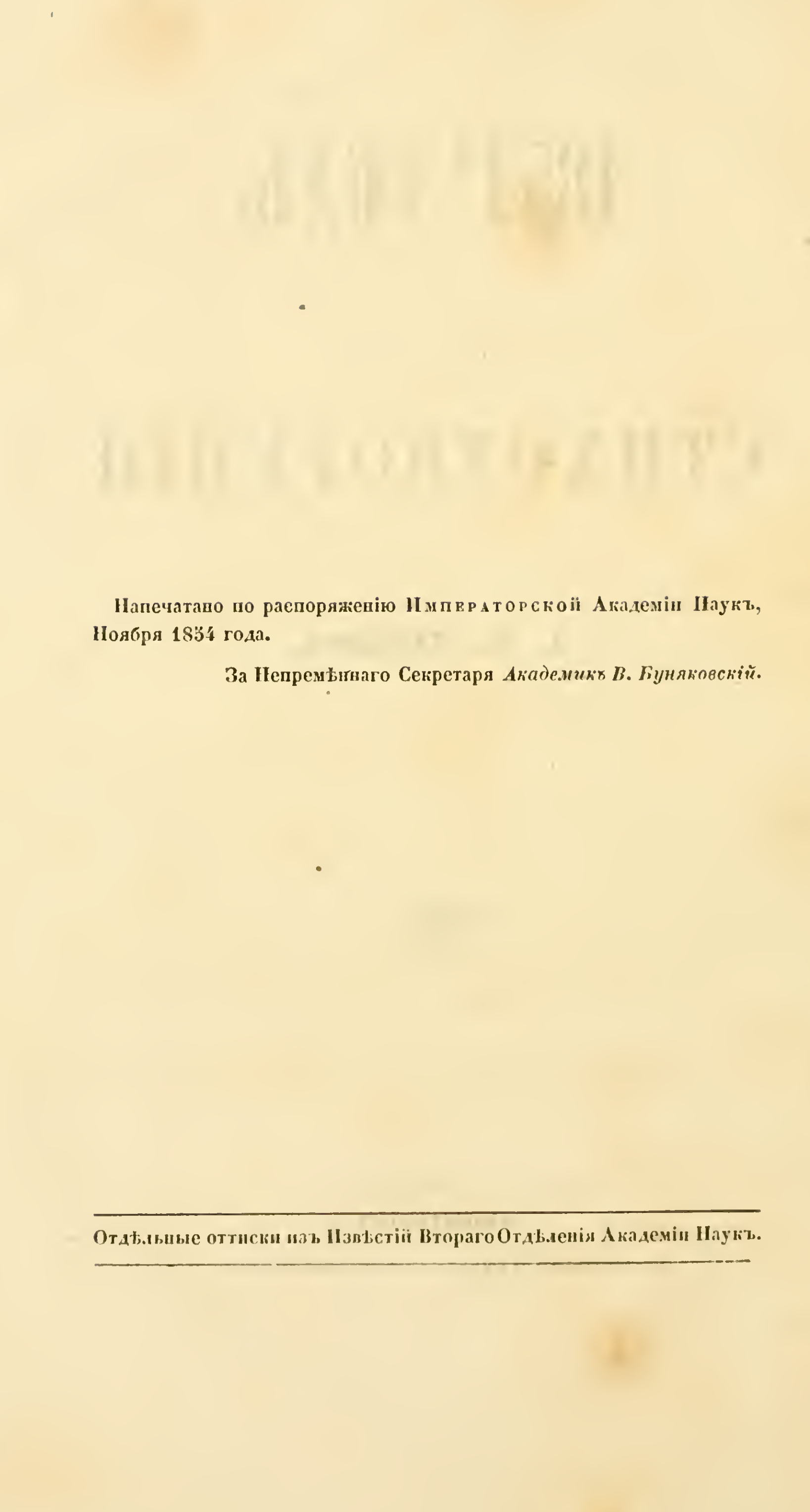
СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Н. МАЙКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ, Ноября 1854 года.

За Непремѣннаго Секретаря *Академикъ В. Буняковскій.*

Отдѣльные оттиски изъ Извѣстій Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.

I.

Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
И въ стихъ его облечь — блаженство для меня!
Меня гармоніи тогда плѣняли тайны
И самъ своихъ стиховъ заслушивался я.
Я ими тѣшился, ихъ мѣрно повторяя
Украдкой, какъ скупецъ, который по ночамъ
Червонцы по столу горстьми пересыпая,
Какъ бы невѣдомымъ внимаетъ голосамъ.

Теперь не служитъ стихъ мнѣ праздною забавой.
Онъ рвется изъ души, какъ откликъ боевой
На зовъ торжественный отечественной славы.
Широкій горизонтъ открытъ передо мной.
Рукою вѣрною берусь теперь за лиру,
И, обновленная, привѣтствуетъ она
Намъ новыхъ дней зарю.... Ударила война,
Россія вызвана на созерцанье міру,

На судъ Исторіи: да міръ гордый пойметъ,
Что тотъ же мощный духъ и доблесть въ насъ живетъ,
Которыя мы чтить умѣемъ въ иностранцахъ —
Въ защитникахъ Креста, въ Римлянахъ и Спартанцахъ!

Благодарю Тебя, Творецъ, благодарю,
Что мы не скованы лжемудростію узкой!
Что съ гордостью я всѣмъ сказать могу: я Русскій!
Что пламенемъ однимъ съ Россіей я горю!
Что слезная объ ней въ душѣ моей забота!
Что тотъ же мощный вѣтръ расправилъ парусъ мой,
Которымъ движимы неслися подъ грозой
Громады кораблей Нахимовскаго флота!

7 Дек. 1854.

II.

ПАМЯТИ ДЕРЖАВИНА.

При полученіи извѣстія о побѣдахъ при Синопѣ и Ахалцыхѣ.

—

Что слышу? что сердца волнуетъ?
Что веселится Царскій домъ?...
Опять Россія торжествуетъ!
Опять гремитъ Кагульскій громъ!
Опять временъ Екатерины,
Я слышу, встали исполины....
Но мой восторгъ не полонъ! нѣтъ!
Нашъ вѣкъ великъ, могучъ и славенъ;
Но гдѣ жь, Россія, твой Державинъ!
О гдѣ пѣвецъ твоихъ побѣдъ!

И гдѣ кимвалъ его, литавры,
Которыхъ громъ внималъ весь міръ?...
Неполны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ!

Кто днесь стихомъ монументальнымъ
Провозвѣститъ потомкамъ дальнымъ,
Что мы все тѣ же какъ тогда,
И что жива еще въ Россіи
О христіанской Византіи
Великодушная мечта!

Къ тебѣ, Державинъ, какъ въ молитвѣ,
Къ тебѣ зову! Услышь мой гласъ,
Какъ слушалъ бардъ о чудной битвѣ
Простаго пахаря разсказъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ жреческій твой голосъ
Умолкнулъ, — много Русь боролась
Со злымъ врагомъ и клеветой.
Въ насъ силъ твоихъ недоставало
Къ нимъ стать лицомъ, поднять забрало
И грянуть рѣчью громовой.

Пора забыть навѣты злые,
Пора и намъ глаза открыть,
И перестать намъ о Россіи
Съ чужаго голоса судить.
Пора! завѣса разорвалась!
Въ насъ сердце Русское сказалось!
Мы прозрѣваемъ наконецъ
Въ самосознаніи народномъ —
Намъ не въ Парижѣ сумазбродномъ,
Не въ дряхлой Вѣнѣ образецъ.

Въ Европѣ слишкомъ много кровью
Сама земля напоена;

Враждой упорной, не любовью
Взростила чадъ своихъ она;
Тамъ человѣка гордый геній
Зрѣлъ средь насильствъ и потрясеній;
Духъ партій злобу тамъ таитъ;
Всѣ живы старыя обиды;
Надъ каждымъ мрачной Немезиды
Тамъ мечъ кровавый тяготитъ.

А мы за нашими царями,
Душою вѣруя Петру,
Какъ за искусными вождями
Пошли къ величью и добру.
Они одни лишь угадали,
Какая мощь и разумъ спали
Въ богатырѣ земли родной,
Лишь бы Монгольскихъ золъ заразу
Съ него стряхнуть, и какъ алмазу
Дать грань душѣ его младой.

Чѣмъ быть во изумленье міру —
Ему впервой разоблачилъ
Тотъ, кто сложилъ съ себя порфиру,
И какъ матросъ и плотникъ жилъ;
За Русь пошелъ страдать, учиться,
Кто восхотѣлъ переродиться,
Чтобъ свой народъ переродить!
Познай, нашъ врагъ хитроугрозный!
Съ ея Царемъ дороги розной
Россіи ввѣкъ не можетъ быть.

И пусть она еще ребенокъ,
Но какъ глядитъ уже умно!
Еще чуть вышла изъ пеленокъ —
Но сколько ею создано!...
Державинъ! бардъ нашъ сладкострунный!
Ты возвѣщалъ Россіи юной
Все, чѣмъ великъ здѣсь человѣкъ;
Ты для восторга далъ ей клики,
Ты огласилъ ея, великій,
Трудовъ и славы первый вѣкъ!

Востань же днесь и виждь — какъ снова
Родныя плещутъ знамена̀!
Во славу имени Христова
Кипитъ священная война,
И вновь Россія торжествуетъ!...
Пускай Европа негодуетъ,
Пускай коварствуетъ и лжетъ:
Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья,
Враговъ безсильное шипѣнье
Народный духъ въ насъ не убьетъ!

У насъ есть два врага — мы знаемъ!
Одинъ — завистниковъ вражда:
Не усмиривъ ихъ, не влагаемъ
Меча въ ножны мы никогда.
Другой нашъ врагъ—и врагъ кичливый—
То духъ невѣжества строптивый!...
О Русь! ихъ купно поражай!
Однихъ мечомъ, другихъ сатирой,

И бранный мечъ съ правдивой лирой
Единымъ лавромъ обвивай!

Въ ряду героевъ Измаила
Да узрятъ наши имена,
Да знаютъ — съ ними въ насъ одна
Мощь разума и длани сила;
Да глубже мысль намъ ляжетъ въ грудь,
Что нашъ великъ въ грядущемъ путь, —
И тѣнь пѣвца Екатерины
На наше кликнетъ торжество:
— «Они все тѣ же исполины,
И помнятъ барда своего!»

3 Дек. 1853.

═

III.

КЛЕРМОНТСКІЙ СОБОРЪ.

—

Не свадьбу праздновать, не пиръ,
Не на воинственный турниръ
Блеснуть оружьемъ и конями,
Въ Клермонтъ нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Какъ лугъ, усѣянный цвѣтами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздымалась массою людей
Какъ перекатными волнами.
Лучъ солнца ярко озарялъ
Знамена, шарфы, перья, ризы,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпуръ, и металлъ.
Подъ златотканнымъ балдахиномъ,
Средь духовенства властелиномъ

Въ тіарѣ папа возсѣдалъ,
У трона — герцоги, бароны,
И красныхъ кардиналовъ рядъ,
Вокругъ ихъ — спрыхъ обороны —
Толпою рыцари стоятъ:
Въ узорныхъ латахъ Итальянцы,
Тяжелый Швабъ и рыжій Бриттъ,
И Галлъ, отважный сибаритъ,
И въ шлемахъ съ перьями Испанцы;
И отдаленъ отъ всѣхъ старикъ,
Дерзавшій свергнуть папства узы:
То обращенный еретикъ
Изъ фанатической Тулузы;
Здѣсь строй Норманновъ удалыхъ,
Какъ въ маскахъ, въ шлемахъ пудовыхъ,
Съ своей тяжелой аллебардой.
На крыши взгромоздясь, народъ
Всѣхъ поименно ихъ зоветъ:
Все это львы, да леопарды,
Орлы, медвѣди, ястреба —
Какъ-будто грозныя прозванья
Сама сковала имъ судьба,
Чтобъ обезсмертить ихъ дѣянья!
Надъ ними, стаей лебедей,
Слетѣвшихъ на берегъ зеленый,
Изъ ложъ кругомъ сіяютъ жены
Въ шелку, въ зубчатыхъ кружевахъ,
Въ алмазахъ, въ млечныхъ жемчугахъ.
Лишь шопотъ слышится въ собраньѣ.
Необычайная молва

Давно чудесныя слова
И непонятныя сказанья
Носила въ мірѣ. Видѣнъ крестъ
Былъ въ небѣ. Неся стонъ съ востока.
Заря кроваваго потока
Имѣла видъ. Межь блѣдныхъ звѣздъ
Какъ человѣческое было
Лицо луны, и слезы лило,
И вкругъ клубился дымъ и мгла....
Чего-то страшнаго ждала
Толпа, внимать готовясь Богу —
И били грозную тревогу
Со всѣхъ церквей колокола.

Вдругъ звонъ затихъ — и на ступени
Престола папы преклонилъ
Убогій пилигримъ колѣни;
Его съ любовью осѣнилъ
Святымъ крестомъ первосвященникъ,
И, помоляся небесамъ,
Пустынникъ говорилъ къ толпамъ.

«Смиренный нищій, бѣглый плѣнникъ
Предъ вами, сильные земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движетъ мной иная воля.
Не мнѣ внимайте, короли —
Самъ Богъ, державствующій нами,
Къ моей склонился нищетѣ
И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами;

И вамъ въ сердечной простотѣ
Сказать про плѣнъ, про тѣ мученья,
Что̀ испыталъ и видѣлъ я.
Вся плоть истерзана моя,
Спина хранитъ слѣды ремня,
И язвамъ нѣту исцѣленья!
Взгляните: на рукахъ моихъ
Оковъ кровавыя запястья.
Въ темницахъ душныхъ и сырыхъ,
Безъ утѣшенья, безъ участья,
Провелъ я юности лѣта;
Копалъ я рвы, бряцая цѣпью,
Влачилъ я камни знойной степью,
За то, что вѣровалъ въ Христа!
Вотъ эти руки.... Но въ молчаньѣ
Вы потупляете глаза;
На грозныхъ лицахъ состраданья,
Я вижу, катится слеза:
О, люди, люди! язвы эти
Смутили васъ на краткій часъ!
О, впечатлительныя дѣти!
Ка̀къ слезы дешевы у васъ!
Уже-ль, чтобъ тронуть васъ, страдальцамъ
Къ вамъ надо нищими предстать?
Чтобъ васъ увѣрить, надо дать
Ощупать язвы вашимъ пальцамъ!
Тогда лишь бѣдствіямъ земнымъ,
Тогда неслыханнымъ страданьямъ,
Безчеловѣчнымъ истязаньямъ
Вы сердцемъ внемлете своимъ!...

А тѣхъ страдальцевъ милліоны,
Которыхъ вамъ не слышны стоны,
Къ которымъ мусульманинъ злой
Какъ къ агнцамъ трепетнымъ приходитъ,
И безпрепятственно уводитъ
Изъ нихъ рабовъ себѣ толпой;
Въ глазахъ у брата душитъ брата,
И неродившихся дѣтей
Во чревѣ рѣжетъ матерей,
И вырываетъ для разврата
Изъ ихъ объятій дочерей....
Я видѣлъ: блѣдныхъ, безоружныхъ,
Толпами гнали по степямъ,
Отсталыхъ старцевъ, женъ недужныхъ
Бичомъ стегали по ногамъ;
И Турокъ рыскалъ по пустынѣ,
Какъ передъ стадомъ гуртовщикъ.
По мигъ — мнѣ памятный донынѣ,
Благословенный жизни мигъ,
Когда окованнымъ, средь дыма
Прозрачныхъ утреннихъ паровъ,
Предстали намъ Іерусалима
Святые храмы безъ крестовъ!
Замолкли стоны и тревога,
И, позабывши прахъ и тлѣнъ,
Возславословили мы Бога
Въ виду Сіонскихъ древнихъ стѣнъ,
Гдѣ ждали насъ позоръ и плѣнъ!
Породнены тоской, чужбиной,
Латинецъ съ Грекомъ обнялись.

Всѣ, какъ сыны семьи единой,
Страдать безропотно клялись.
И Грекъ намъ далъ примѣръ великій.
Іерея, пѣвшаго псаломъ,
Съ коня спрыгнувши, Турокъ дикій
Ударилъ взвизгнувшимъ бичомъ:
Тотъ пѣлъ, и бровію не двинулъ!
Злодѣй страдальца опрокинулъ,
И вырвалъ бороду его....
Рванули съ воплемъ мы цѣпями, —
А онъ Евангелья словами
Господне славилъ торжество!
Въ куски изрубленное тѣло
Злодѣи побросали въ насъ:
Мы сохранили ихъ всецѣло,
И, о душѣ его молясь,
Въ темницѣ, гдѣ страдали сами,
Могилу вырыли руками,
И на груди святой земли
Его останки погребли.

«И онъ не встанетъ, вѣдь, предъ вами
Вамъ язвы обнажить свои
И выпросить у васъ слезами
Слезу участья и любви!
Увы, не разверзаютъ гробы
Святыя жертвы адской злобы!
Нѣтъ, и живое не пріидетъ
Къ вамъ одновѣрцевъ вашихъ племя —
Христу молящійся народъ:

Одинъ креста несетъ онъ бремя,
Одинъ онъ тернъ Христовъ несетъ!
Какъ рабъ евангельскій, израненъ,
Въ степи лежитъ, больной, безъ силъ. .
Иль ждете вы, чтобъ напоилъ
Его чужой Самаритянинъ,
А вы, съ кошницей яствъ, бойцы,
Пройдете мимо, какъ слѣпцы?
О, нѣтъ, для васъ еще священны
Любовь и правда на землѣ!
Я вижу ужасъ вдохновенный
На вашемъ доблестномъ челѣ!
Востань, о воинство Христово,
На мусульманъ войной суровой!
Да съ громомъ рушится во прахъ —
Созданье злобы и коварства —
Ихъ тяготѣющее царство
На христіанскихъ раменахъ!
Разбейте съ чадъ Христа оковы,
Дохнуть имъ дайте жизнью новой;
Они васъ ждутъ, чтобъ васъ обнять,
Край вашихъ ризъ облобызать!
Идите! ангелами мщенья,
Изъ храма огненнымъ мечомъ
Изгнавъ невѣрныхъ поколѣнья,
Отдайте Богу Божій домъ!
Тамъ благодарственные псальмы
Для васъ народы воспоютъ,
А падшимъ — мучениковъ пальмы
Вѣнцами ангелы сплетутъ!»...

Умолкъ. Въ отвѣтъ, какъ-будто громы
Перекатилися въ горахъ.
То кликъ одинъ во всѣхъ устахъ:
«Идемъ, оставимъ женъ и домы!»
И въ умиленіи святомъ,
Вокругъ желѣзные бароны
Въ восторгѣ плакали какъ жены;
Врагъ лобызался со врагомъ,
И руку жалъ герой герою,
Какъ левъ косматый, алча бою;
На общій подвигъ дамы съ рукъ
Снимали злато и жемчугъ;
Свой грошъ и нищіе бросали;
И радость всѣхъ была свѣтла.
Ее литавры возвѣщали,
И въ небесахъ распространяли
Со всѣхъ церквей колокола.

. . .

Вотъ такъ Латинскіе народы,
Во имя братства и любви,
Шли въ отдаленные походы.
Кипѣла доблесть въ ихъ крови.
Іудѣ чуждая и Крезамъ,
Лишь славолюбіемъ дыша,
Подъ этой сталью и желѣзомъ
Жила великая душа.
И ею созданные люди
На насъ колоссами глядятъ,

Которыхъ каменныя груди
Ни мечъ, ни громъ не сокрушатъ.
Тогда въ ряды священной рати
Не ополчались мы войной.
Отдѣльно, далеко отъ братій,
Вели мы свой крестовый бой.
Ужъ нѣдра Азіи бездонной,
Какъ разгаравшійся волканъ,
Къ намъ слали чадъ своихъ мильоны:
Дулъ съ степи жаркій ураганъ,
Металась степь какъ океанъ —
Востокъ чреватъ былъ Чингисханомъ!
И Русь одна тогда была
Сторожевымъ Европы станомъ
И ужь за вѣру кровь лила....
Не долго рыцарей глубоко
Такъ трогалъ кликъ: «Іерусалимъ!
Стонъ христіанскаго востока
Все глуше становился имъ!
Россія гибла: къ христіанамъ
Взывала воплями она;
Но какъ Іосифъ Агарянамъ
Была отъ братьевъ продана!
Упала съ громомъ Византія;
Семья Славянскихъ царствъ за ней:
Столпы сложились костяные
Изъ череповъ богатырей:
За честь Евангелья Христова
Сыны Людовика святаго
Ужь выручать не шли Царьградъ.

Отъ брата отшатнулся братъ....
Мы — крестоносцы отъ начала!
Орда рвала насъ по клочкамъ,
Насъ жгла, — но лучше смерть чѣмъ срамъ,
Страдальцевъ кровью возрастала
И крѣпла Русь; какъ мститель встала,
И, вѣрная себѣ, идетъ
Въ обѣтованный свой походъ.
За что́ же западные братья
Забывъ свой подвигъ прежнихъ лѣтъ,
Ей шлютъ безумныя проклятья,
Какъ скрежетъ демоновъ во слѣдъ?
За что́ жь съ тоскою и заботой
На насъ они, косясь, глядятъ?
За что́ жь на насъ идутъ ихъ флоты
И намъ погибелью грозятъ?
За что жь?... За то, что мы созрѣли,
Что вдругъ въ ученикахъ своихъ
Они совмѣстниковъ узрѣли;
Что то не шутка: между нихъ
Мы смѣло требуемъ гражданства!
Мы не пришельцы — зиждемъ храмъ
Еще невѣдомый вѣкамъ;
На необъятное пространство
Фундаментъ вывели; предъ нимъ
Блѣднѣютъ древнія державы, —
И новыхъ силъ и новой славы
Младое солнце страшно имъ!
Докончить храмъ — въ насъ есть отвага,
Въ насъ вѣра есть, въ насъ сила есть.

Всѣ для него земныя блага
Готовы въ жертву мы принесть....
За то, что намъ пришлось на долю
Свершить что Западъ начиналъ;
Что насъ отнынѣ Богъ избралъ
Творить Его святую волю;
Что мы подъ знаменемъ Креста
Не лицемѣримъ, не торгуемъ,
И фарисейскимъ поцѣлуемъ
Не лобызаемъ мы Христа....
И, можетъ быть, враги предвидятъ,
Что изъ Россіи ледяной
Еще невиданное выйдетъ
Гигантовъ племя къ нимъ грозой,
Гигантовъ — съ ненасытной жаждой
Безсмертья, славы и добра,
Гигантовъ — какъ ихъ міръ однажды
Зрѣлъ въ грозномъ образѣ Петра.

═

IV.

ПОСЛАНІЕ ВЪ ЛАГЕРЬ.

—

Межь тѣмъ, какъ вы, друзья, въ рядахъ родныхъ полковъ
Идете Божьею грозою на враговъ,
О какъ хотѣлось бы, хоть знакъ по́дать вамъ братья!
Чтобъ видѣли вы къ вамъ простертыя объятья,
Чтобъ знали чувства вы, бушующія въ насъ,
Чтобъ мощь оставшихся вся въ васъ перелилась.
Мой стихъ есть тоже мечъ—и съ вашими мечами
Ужели не блеснетъ за Русь онъ подъ грозой?
Ужели можетъ онъ молчать передъ врагами?
Къ вамъ шлю его, друзья, въ вашъ лагерь боевой,
Въ немъ вся моя душа помчится съ вами къ битвѣ.
Я чувствую, что въ немъ есть сила, какъ въ молитвѣ.
Въ немъ блещетъ идеалъ Россіи молодой,
Который свѣтитъ намъ водительной звѣздой,

Тотъ гордый идеалъ, который окрыляя
Любовію нашъ духъ въ годину горькихъ бѣдъ,
Все осязательнѣй и ярче тридцать лѣтъ
Осуществляется подъ скиптромъ Николая.

V.

О ТОМЪ

КАКЪ ОТСТАВНОЙ СОЛДАТЪ ПЕРФИЛЬЕВЪ

ПОШЕЛЪ ВО ВТОРИЧНУЮ СЛУЖБУ.

—

Ну, послушай-ко старуха,
Да смотри, непоперечь.
Надо мнѣ съ тобой, Мавруха,
Повести отъ сердца рѣчь.
Мы съ тобой пять лѣтъ въ отставкѣ;
Я хотя маленько сѣдъ,
Наведи однако справки —
Много ль отъ роду мнѣ лѣтъ?
Оказалось: сорокъ восемь,
То есть съ хвостикомъ. Такъ вотъ,
Если жь мы себя вдругъ спросимъ,
Что годимся ль мы въ походъ?
Такъ, примѣрно. Вѣдь подковку
Мы и нынче разогнемъ.

Встарь за силу и сноровку
Слылъ въ полку я молодцомъ.
Самъ Великій Князь, бывало,
(Онъ солдатушекъ любилъ!)
Потѣшался мной не мало,
И на счетъ меня шутилъ.
Разъ сказалъ онъ, разсуждая:
«Крѣпостей не нужно намъ —
Вотъ у насъ стѣна живая —
Такъ ли? — и взглянулъ къ рядамъ.
«Точно такъ!» я первый грянулъ
Полкъ за мной — и до сихъ поръ
Помню — на меня Князь глянулъ
И съ усовъ слезу отеръ.
Говорю тебѣ я это
Въ разсужденіи того,
Что для насъ въ такія лѣта
Даже врозь жить ничего!
Вѣдь не вышло бы худаго,
Я смекаю про себя,
Если бъ я на службу снова
Отпросился у тебя.
Видишь — что жь ты испугалась?
У меня всѣ эти дни
Такъ душа растосковалась,
Что хоть въ живѣ хорони!
Просто совѣсть не на мѣстѣ,
Какъ пришлось услышать мнѣ
Въ Высочайшемъ манифестѣ
Объявленье о войнѣ.

Войны разныя бывают,
Иногда про что идем
По начальству только знают,
Нам и дела нет о том.
Нынче ж — развѣ что медвѣдям
Все равно, что есть война.
Обѣги-ко по сосѣдям —
Толковня вездѣ одна
Ишь: полсвѣта на полсвѣта
Поднялися—чья возьмет?...
Оттого вся штука эта,
Что силён стал наш народ.
Гдѣ ни сунутся — Россія!
Гдѣ нюхнут — ан Русскій дух!
«Кто ж вы Русскіе такіе?»
Спохватилися всѣ вдруг.
«Дай ко, сломим ваше царство,
Да отгоним за Москву!»
То есть, хуже их коварства
Свѣт не видѣл на яву!
Вот теперь и подступает
К нам отвсюду сила их —
Государь и призывает
Тут, вот видишь, отставных.
Отставной де нюхал порох,
Уж обстрѣлен, и притом,
В обхожденьѣ, в разговорах,
Не ударит в грязь лицом.
К явкѣ, знаешь, нѣт приказу, —
А уж лучше бы приказ!

Зналъ по крайности бы сразу,
Поняла бъ и ты тотчасъ.
Безъ того жь — выходитъ дурно!
Ночью — чуть вздремну слегка —
Снится — вотъ идетъ дежурный
И толкаетъ подѣ бока.
«Эй, кричитъ онъ, бьютъ тревогу!»
И вскочу я какъ шальной;
Жилки всѣ дрожатъ, ей Богу,
Лобъ въ поту.... ну, самъ не свой!
Я и такъ, и сякъ метался —
Тотъ же сонъ опять. Побрелъ,
Объ товарищахъ справлялся —
Тотъ ушелъ, и тотъ ушелъ.
И гляди жь, что тутъ случится:
Всѣ сберутся наконецъ
Въ Петербургъ. Тутъ смотръ. Явиться,
Значитъ, надо во дворецъ.
Государь въ лицо всѣхъ знаетъ —
И когда къ нему прійдутъ,
Всѣхъ вѣдь вспомнитъ, обласкаетъ
Спроситъ вдругъ — Перфильевъ тутъ!
Что? — Вѣдь дыбомъ станетъ волосъ,
Какъ дадутъ одинъ отвѣтъ,
Такъ, во весь солдатскій голосъ,
Разомъ хватятъ — «никакъ нѣтъ?
Въ цѣломъ свѣтѣ гласно будетъ
Государево словцо.
«Гдѣ жь онъ? всякій тутъ засудитъ;
«Какъ же онъ не на лицо?

«Али въ немъ пропала сила?
«Али — чтобъ нелегкій взялъ,
Скажутъ — «баба не пустила,
«Или самъ онъ бабой сталъ?
Показать нельзя вѣдь рожи
Къ добрымъ людямъ.... а потомъ,
Какъ къ угодникамъ въ храмъ Божій
Я пойду съ такимъ стыдомъ?
Всю вѣдь жизнь обезобразимъ;
Здѣсь — ужь чести намъ на ждать,
А умру — съ Великимъ Княземъ
Встрѣчи тамъ не миновать.
«Такъ-то, братецъ, скажетъ строго,
«Ты домкомъ сталъ поживать,
«Такъ забылъ свой долгъ и Бога,
«И своихъ сталъ выдавать —
«Я такихъ, ступай, не знаю!
То есть какъ ни кину я,
Къ одному все натрафляю —
Что остаться мнѣ нельзя.
Что я?... бьюсь какъ рыба объ-ледъ!
Придираюся къ другимъ,
Въ сердцѣ — точно кошки скоблятъ:
Такъ и тянетъ все къ своимъ!
Ты меня, Мавруша, любишь,
Но въ увѣренности будь, —
Не отпустишь, такъ погубишь:
Выйдетъ грѣхъ какой нибудь!...
Подойди жь ко мнѣ. Дай ручки....
Ручка въ ручку посидимъ....

Плачутъ очи, плачутъ тучки,
Суждено, знать, плакать имъ!
Да вѣдь слушать слезъ нельзя же!
Не совѣтчицы онѣ!
Я вѣдь, видишь, парень ра́жій,
Грудь въ крестахъ, бывалъ въ огнѣ, —
А поди, куды какъ жутко
Васъ оставить! Сыновья
Малы, глупы; дочь-малютка;
Въ нихъ души не чаю я....
Иногда себя поймаешь —
Какъ дитя шалю, старикъ....
Не разстался бъ, понимаешь,
Съ вами просто ни на мигъ —
Да нельзя! Пора такая!
Руки надобны Царю!
Всякій будь на мѣстѣ, зная
Каждый долгъ и часть свою.
Такъ ли?... Ну, и ты вѣдь тоже,
Службу знать свою должна;
Первымъ дѣломъ мы въ храмъ Божій
Сей же часъ пойдемъ, жена.
Дважды смерть не приключится,
А одной не миновать.
Такъ живи, чтобъ тамъ явиться
Какъ на смотръ, безъ фальши стать.
Наипаче, помни строго,
Что ты первое — есть мать.
Научай дѣтей чтить Бога,
Насъ и старшихъ уважать.

Сѣчь — такъ рѣдко, да ужь мѣтко!
А и думать не моги
Поминутно, какъ сосѣдка,
Имъ давать тычки, пинки.
Если я паду въ сраженьѣ,
(Я жь не дамся какъ дуракъ!)
Говори имъ въ поученье,
Что отецъ молъ — такъ и такъ....
Понимаешь?... Ну, да будетъ
Воля Божья!... Маршъ въ походъ!
Васъ начальство не забудетъ,
Есть приказъ на этотъ счетъ.
И постой, годокъ ли, два ли,
Какъ въ порядокъ все войдетъ,
Жизнь безъ горя и печали
То есть вотъ какъ потечетъ!
Выходи тогда съ поклономъ,
Какъ полки пойдутъ къ домамъ,
И встрѣчать съ церковнымъ звономъ
Будутъ насъ по городамъ:
Пѣсни, музыка, веселье!
Зададимъ тогда мы пиръ
Такъ — что мѣсяцъ отъ похмѣлья
Не очувствуется міръ!
Такъ-ли? Разсмѣялась, баба!
Ну такъ къ дѣлу жь поскорѣй —
Пироговъ пеки живѣй,
Чтобъ хватило ихъ до штаба,
До казенныхъ сухарей.

═

VI.

ПАСТУХЪ.

—

Охъ дорога ль моя, ты дороженька!
Ты меня на добрый путь наставила,
Дурака меня оболванила,
Добрымъ молодцомъ въ люди вывела.
Какъ я былъ еще младъ-младешенекъ,
А потомъ какъ былъ и на возрастѣ,
Нерадивый былъ, непонятливый.
Возьмусь за̀ соху — полоса крива,
Возьмусь за̀ косу — изъ рукъ валится.
Только пѣсни пѣть умѣлъ дѣвкамъ я,
Да разжалобить хмѣль кабацкую
Въ старикахъ умѣлъ я по праздникамъ.
Долго ждалъ-глядѣлъ, и грозилъ отецъ,
Да и грянулъ вдругъ что по небу громъ,

И что гулъ въ бору мать поддакнула.
Отобрали мой новый синь-кафтанъ,
Шляпу съ пряжкою, поясъ шелковый,
Дали въ руки кнутъ, да дырявъ-зипунъ,
Въ пастухи меня дурня отдали.
И пастухъ то я нерадивый былъ:
Пасъ въ лѣсу сперва — да соскучился,
Сталъ въ луга гонять — закручинился,
Наровилъ потомъ на дороженьку
На проѣзжую, на шоссейную.

Охъ дорога ль моя, ты дороженька!
Какъ пришло тебѣ твое времечко
Не дорогой ты, стала улицей.
Разлетѣлися галки, вòроны,
По березничку въ сторонѣ сидятъ:
Сѣрый заинька въ кустикъ спрятался,
Приложилъ ушки, самъ дрожитъ какъ листъ;
Господа ль катятъ, шестерикъ валитъ,—
Въ сторонѣ и тѣ дожидаются;
Тройка ль бойкая несетъ купчика,
Пьянъ ямщикъ свистъ, гонитъ что̀ есть силъ,—
Да и ты, купецъ, поворачивай:
Ровно птицы снуютъ все фельдъегери.
Только утро-свѣтъ замерещится
Ужъ скрыпучъ обозъ безъ конца ползетъ,
Все добро везутъ, кладь казенную.
Вслѣдъ полки идутъ, — ѣдетъ конница,
Кони фыркаютъ, сабли звякаютъ,
Усачи сидятъ, подбоченились,

Говорятъ-шумятъ добры-мо̀лодцы,
Пастуха корятъ рохлей-у̀вальнемъ,
Дураку кричатъ: «на кобылу сядь,
Сядь на пѣгую, да лицомъ къ хвосту,
Мы съ собой возьмемъ, прямо въ вахмистры!»
А потомъ идетъ артиллерія;
Пушки мѣдныя, все сердитыя,
Фуры крашены съ сизымъ порохомъ;
Офицеръ идетъ хоть молоденькій
Только быстрый взглядъ, носикъ вздернутый.
Пастуха опять дразнятъ мо̀лодцы,
Дурака корятъ рохлей-увальнемъ,
И съ собой зовутъ позабавиться:
«Эй, деревня, слышь! зубки бѣличьи!
Погрызи поди въ сласть и до̀ сыта —
У насъ фуры вонъ все съ орѣшками,
Все съ орѣшками, все съ чугунными.»
Имъ пѣхота вслѣдъ: впередъ музыка,
Съ запѣвалами, съ пляской, съ гиканьемъ;
Ружья — что твой лѣсъ! каски мѣдныя,
Полы загнуты, сапоги въ пыли:
Идутъ — стонетъ долъ! Чуешь — сила валитъ.
Проучила меня зѣвать конница,
Проучила глазѣть артиллерія:
Ужъ пѣхотѣ я въ поясъ кланялся,
Съ головы скидалъ шапку старую,
Заслужилъ пастухъ слово доброе.
Бралъ я удали, заговаривалъ,
Провожалъ солдатъ семь и восемь верстъ;
Разузналъ отъ нихъ, на чемъ свѣтъ стоитъ,

Сколько въ свѣтѣ есть городовъ и селъ,
И которые христіанскіе,
И которые басурманскіе;
Какъ задумали злые нехристи,
Полонить пришли землю Русскую,
Наругаться пришли надъ иконами,
Обижать пришли Царя Бѣлаго;
Да легко сказать, надо съ бою взять,
А на то пошло — такъ не выдадимъ:
Съ нами Богъ и Царь, дѣло правое.

Охъ дорога ль моя, ты дороженька!
Ты не долго была битой улицей.
И прошло твое красно времечко,
Поосѣла пыль, позатихла молвь,
Тишина легла безотвѣтная.
Пріосмѣлился заяцъ, выглянулъ
На дороженьку, сталъ осинку драть;
Галки, вòроны почалѝ скакать,
И одинъ пастухъ одинешенекъ,
При дороженькѣ сиротинушка;
Онъ стоитъ — глядитъ въ дальню сторону:
Словно всѣхъ родныхъ проводилъ съ двора,
Проводилъ на пиръ, самъ не прошенъ былъ.
И брала его тоска лютая,
И привидѣлся небывалый сонъ.
Словно буря идетъ, съ громомъ, съ молніей;
Съ трескомъ небо, гляжу, разорвалося,
И въ сіяньѣ стоитъ высокà жена
Красоты въ очахъ неописанной.

Громкимъ голосомъ на всѣ стороны
Говоритъ она, мать дѣтей зоветъ:
«Подымайтеся, дѣтки милыя!
Обижаютъ меня, охъ соколики!»
И по слову ея, что ковыль-трава
Колыхается, подымается
Съ четырехъ сторонъ рать великая;
И что лебеди по зарѣ кричатъ,
По поморью кричатъ камышовому,
Дѣтки матери откликаются:
«Слышимъ, матушка! не бойсь, выручимъ!
И отколь возьмись, бѣлый конь летитъ,
На меня пахнулъ изъ ноздрей огнемъ;
И схватилъ коня я за гривоньку,
На коня вскочилъ храбрымъ витяземъ —
И на мнѣ доспѣхъ — воронёна сталь.
Полетѣлъ какъ вихрь, засверкалъ мечомъ,
И откликнулся звонкимъ голосомъ,
Какъ откликнулись храбры полчища:
«Слышимъ, матушка! не бойсь, выручимъ!»

А какъ крикнулъ я, то и сонъ пропалъ,
И вскочилъ, гляжу — а и нѣтъ коня,
Не доспѣхъ на мнѣ, а дырявъ зипунъ,
Не булатъ въ рукѣ, пастуховскій кнутъ.
И швырнулъ я кнутъ, залился слезьми,
На̀ земь ринулся, рвалъ сыру траву.
Въ сердцѣ зла̀ тоска пуще прежняго.
«Али хуже я да честныхъ людей?
Аль что плохъ пастухъ — такъ нѣтъ удали?

Да хоть пѣсни пѣть молодецкія
Пригожуся я какъ пойдутъ на бой!...»
Трое сутокъ я пропадалъ съ села,
Трое сутокъ я не гонялъ коровъ.
На четвертые поздно вечеромъ,
Я пришелъ съ степи къ отцу, къ матери.
До земли челомъ поклонился имъ,
Заклиналъ забыть гнѣвъ родительскій,
Что я самъ нашелъ свою долюшку,
Безъ отцовскаго изволенія.
Грѣхъ съ души сними, родна матушка,
Отпусти вину, родной батюшка —
Сплю и вижу я — мнѣ въ походъ идти.
Испужалася родна матушка
Почала корить, горьки слезы лить.
Сердце рвȁлося, да не сдȁлося!
Что надумалось во сыромъ бору,
Что подъ благовѣстъ намолилося,
(Самъ дивлюсь теперь, отколь рѣчь взялась)
Пошелъ сказывать, перепархивать
Сперва птенчикомъ низко пȍ-земи,
А потомъ пошелъ что́ орелъ гулять,
Что въ своей водѣ рыба вольная.
Все ей выложилъ: разсуди сама,
Коль губить — губи! въ пастухахъ держи,
Лыко драть, лапти плесть, да коровъ гонять!
Молча слушалъ отецъ, на печи лежалъ;
А и вижу, съ печи опускается,
Сѣдъ какъ лунь старикъ прямо къ образу,
На колѣни палъ: замолчала мать,

Былъ грозёнъ-умёнъ родной батюшка.
«Не кори, сказалъ, не вопи, жена.
Не по глупости говоритъ дитя,
Онъ добро сказалъ, и добру быть такъ!
Ты зажги свѣчу передъ образомъ,
Осѣни дитя, какъ быть слѣдуетъ,
Нерушимымъ ввѣкъ крестнымъ знаменьемъ:
Самъ свезу чѣмъ свѣтъ, и сдамъ въ рекруты.»

Просбирала мать во всю ночь меня,
Просидѣлъ отецъ до зари со мной.
Съ солнцемъ впрягъ коней словно къ празднику,
Съ росписной дугой, збруя съ бляхами.
Дѣвки, молодцы всѣ сбѣжалися,
Какъ съ роднымъ со мной попрощалися.
Гордой поступью вышелъ батюшко:
Шапки снялъ народъ, разступилися.
Помолясь еще, тронулъ возжи онъ —
Кони взвилися, люди ахнули,
Завопила мать, на̀-земь грянулась,
Подхватили ее люди добрые.
Понеслись мимо насъ избы съ клѣтями,
Зелены луга, ходуны-мосты,
Съ громомъ въѣхали мы въ губернію.
Тутъ и жизнь моя пошла съ-и̇знова.

Охъ дорога ль моя, ты дороженька!
Не видалъ я гдѣ ты начинаешься,
А ужь знаю теперь гдѣ кончаешься.

Привела меня ты, дороженька,
Къ славну городу, къ Севастополю —
Отстоять его, коли Богъ судилъ,
Или лечь костьми во честномъ бою.

═

VII.

МОЛИТВА.

—

Шла туча съ запада, другая отъ востока.
Сошлись, ударились: гремитъ въ раскатахъ громъ,
И свищетъ молнія — и на землѣ кругомъ
И звѣрь и человѣкъ замолкъ въ тоскѣ глубокой.
Лишь пастырь душъ одинъ, грозою осіянъ,
Подъемлетъ длань къ Тому, кто властвуетъ вселенной,
Колеблетъ твердь земли и движетъ океанъ.
Одинъ онъ мудростью библейской просвѣтленный
Смиренно молится: Да судъ свершится Твой,
И міръ десницею Твоею обновленный
Возблещетъ радостнѣй! Твоя намъ скрыта цѣль,
Но благъ еси, Господь! Долинамъ шлешь ты грозы —
Да утучняются! Даешь ты людямъ слезы —
Да перстъ познаютъ Твой! Кровавую купель
Народамъ — да ярмо грѣховное съ нихъ канетъ,
И новый человѣкъ изъ стараго возстанетъ!

═

VIII.

МОСКВѢ.

(Въ день Столѣтія Московскáго Университета.)

—

Давно Цари Россіи новой,
Оставивъ стольный градъ Москвы,
Въ равнинахъ Ингріи суровой
Разбили лагерь у Невы;
Но духомъ ты, Москва, не пала
И древнею блестя красой,
Ты никогда не перестала
Быть Царства нашего душой.
Твой духъ въ одно его скрѣпляетъ.
Любовь къ отчизнѣ, какъ струя,
Отъ сердца къ сердцу пробѣгаетъ
По цѣлой Руси изъ Кремля.
Но ту любовь, съ которой дикой
Пустыню любитъ, — ты слила

Съ огнемъ науки, и великой
О Руси мыслью облекла.
Связавъ минувшее съ грядущимъ,
Забвенье съ предковъ ты сняла,
И поколѣньямъ нынѣ сущимъ
Ты мысль отечества дала.
Оно — въ той вѣрѣ величавой,
Что Русь живетъ въ моей груди;
Что есть за мной ужь много славы,
И больше будетъ впереди;
Что, въ долѣ темной или громкой
Полезенъ родинѣ мой трудъ,
И что дѣла мои — потомки
Благословятъ иль проклянутъ....
Москва! въ слезахъ подъемлю руки
Къ тебѣ, какъ къ матери дитя,
Въ день драгоцѣнный для науки
Въ день присно-славный для тебя!
О, пусть кричатъ трибуны злые —
Мы вѣримъ сердцу своему —
Жива Москва — сильна Россія,
И Божій свѣтъ разсѣетъ тьму!

АРЛЕКИНЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 26-го Января 1855 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

IX.

АРЛЕКИНЪ.

—

Меня всю ночь промучилъ сплинъ.
Передо мной къ стѣнѣ прибитый,
И видно, няней позабытый,
Висѣлъ бумажный арлекинъ.
Едва хочу я позабыться —
Вдругъ арлекинъ зашевелится,
Начнетъ приплясывать, моргать,
И точно хочетъ что сказать.

Я ободрилъ его. Онъ началъ:

У васъ мнѣ просто нѣтъ житья.
Здѣсь для дѣтей забава я,
А то ли я въ Европѣ значилъ?
Тамъ всѣ ужъ знаютъ и твердятъ,
Что нынче вѣкъ арлекинадъ.

Мы маскируемся, хлопочимъ,
Кутимъ, жуируемъ, морочимъ,
И свѣтъ волнуя и губя,
Тишкомъ смѣемся про себя.

Но ты меня не понимаешь....
Не мудрено! Ты знаешь свѣтъ
Изъ книгъ французскихъ да газетъ;
И вѣрно все воображаешь,
Что арлекинъ — острякъ и шутъ
Философъ жизни, умный плутъ,
Другъ Бахуса и всякой снѣди —
Есть вымыслъ площадныхъ комедій.
Такъ было прежде, въ старину.
Тогда насъ въ строгости держали,
Тогда мы роль свою играли
Исправно.... даже не одну
Услугу людямъ оказали....
Скажу не обинуясь: міръ
Впередъ мы двигали чудесно,
Когда какой нибудь безвѣстной
Намъ роли сочинялъ Шекспиръ.
Такихъ Шекспировъ было много
Во всѣхъ родахъ. Ихъ здравый умъ
Всѣмъ и всему судья былъ строгой.
Ихъ смѣхъ былъ плодъ глубокихъ думъ....
На площади за ширмой пестрой
Мы зло язвили шуткой острой,
И къ намъ ѣзжала даже знать
Чтобъ каламбуръ у насъ занять —

Инкогнито!... Мы безпристрастно
Тартюфовъ ставили на смѣхъ;
Критиковали даже тѣхъ,
Кого критиковать опасно:
Извѣстный взяточникъ и воръ
Боялся насъ какъ привидѣнья;
Въ дѣлахъ правленья самый дворъ
Насъ принималъ въ соображенье.
А шарлатановъ-докторовъ,
Сластолюбивыхъ старичковъ,
И легкихъ модниковъ аббатовъ,
Скупцовъ и плутовъ-адвокатовъ,
Старухъ-охотницъ до интригъ —
Держалъ въ острасткѣ нашъ языкъ.
Такъ въ нашемъ смѣхѣ и злословьѣ
Нашли орудье короли
Чтобъ соръ мести съ лица земли,
И насъ любили всѣ сословья:
Въ нихъ силы наша болтовня
Возобновляла какъ лѣкарство,
Тѣмъ въ равновѣсіи храня
Всѣ элементы государства.

Плѣнясь критическимъ умомъ
И нашей рѣчи бойкой солью
Насъ свѣтъ иной, важнѣйшей ролью
Рѣшился наградить потомъ.
«Вы гнать умѣете пороки, —
Сказалъ — «Подайте же вы намъ
Высокой мудрости уроки!

Какъ дѣти ввѣримся мы вамъ.
Всей государственной машинѣ
Вы чудный сдѣлали разборъ —
Такъ перестройте жь насъ вы нынѣ —
Да новый міръ пойдетъ съ сихъ поръ!»

Въ насъ умъ всегда былъ смѣлъ и скоръ.
Въ мигъ планъ готовъ — и ухватились
За трудъ съ увѣренностью мы.
Мы къ той порѣ ужь поучились,
И наши бойкіе умы
Ужь въ философію пустились;
Пьеро надѣлъ уже парикъ,
И точно — царь былъ въ царствѣ книгъ!
И мы пошли ломать. Трещало
Все, что построили вѣка....
Грядущее издалека
Намъ средь руинъ зарей сіяло....
Но вдругъ средь нашихъ сладкихъ сновъ,
Средь нашихъ пламенныхъ теорій —
Мы слышимъ черни ярый рёвъ:
Какъ будто вдругъ изъ береговъ,
Бушуя, выступило море!...
Мы въ ужасѣ глядимъ кругомъ,
И что жь? Какъ демоны въ потемкахъ,
Одни стоимъ мы на обломкахъ;
Добро упало вмѣстѣ съ зломъ!
Всѣ наши пышныя идеи
Толпа буквально поняла,
И ужь кровавые трофеи
Воя, по улицамъ влекла....

Но это все тебѣ извѣстно;
Ты знаешь, какъ одни изъ насъ
Противу черни ополчась,
Погибли праведно и честно:
Но ты не знаешь одного —
Что многимъ голову вскружило,
Господство, власть и торжество,
А съ тѣмъ и деньги.... Да, мой милой!
Кто разъ ужь сладко ѣлъ и пилъ,
Тотъ апетитъ ужь наострилъ!
Мы взять попробовали силой —
Да не смогли: «Ну, такъ постой,
Мы думали, — «народъ пустой!
Подобье вѣчное Сатурна!
Мы какъ нибудь найдемъ лафу,
И такъ поддѣнемъ, на фу-фу!
Половимъ рыбки: море бурно!...
Міръ самъ пойдетъ своимъ путемъ, —
А мы съ него свое возьмемъ —
И вотъ какъ: рѣшено что дурно
Все старое, какъ сгнившій плодъ;
Ну, такъ возьмемъ на оборотъ —
Перевернемъ все на изнанку;
Взболтаемъ цѣлый міръ какъ склянку —
Чему на днѣ быть — упадетъ,
Чему вверху — на верхъ всплыветъ!...
То, что считалось безобразнымъ,
Мы совершенствомъ назовемъ;
Что искони казалось грязнымъ,
Мы въ томъ высокое найдемъ....

Но впрочемъ эти штуки мелкие,
И занимаютъ лишь дѣтей
Литературныя продѣлки.
Тутъ были вещи покрупнѣй.
Притомъ у насъ литература
Была неважная фигура.
Одинъ слезами тѣшилъ дуръ,
Другой ругался черезъ чуръ,
Такъ что открылась штука эта,
И міръ смекнулъ, стряхнувши сплинъ,
Что въ маскѣ чахлаго поэта,
Румяный крылся арлекинъ.

Нѣтъ, вотъ гдѣ болѣе отваги!
Смотри-ко дерзость какова!
Мы появилися какъ маги,
Вѣщали чудныя слова;
Со всѣмъ величіемъ пророка
Провозглашали: «нѣтъ порока!
«Для плоти наступилъ свой вѣкъ!
«Стыдъ, совѣсть — робкихъ душъ тревога!
«Въ страстяхъ познайте голосъ бога,
«И этотъ богъ — есть человѣкъ!»...
Благоуханными словами
Навербовали мы толпами
Жрецовъ, а особливо жрицъ
Изъ женъ скучающихъ мужьями,
И неутѣшенныхъ вдовицъ.
Въ своемъ безсовѣстномъ ученьѣ
Открывъ всѣмъ мерзостямъ прощенье,

Пустили по свѣту гулять
Мы Мессалинъ и Донъ-Жуановъ,
И куча мелкихъ партизановъ
Пошли ихъ роль перенимать.
Они взялись за дѣло прочно,
И, предъ испуганной толпой,
Плевали, съ наглостью тупой,
Въ лицо весталки непорочной,
Имъ недоступной, имъ чужой!
Прикрывши граціей безстыдство,
Они всѣмъ блескомъ сибаритства
Ловили въ сѣти и дѣтей,
Ихъ развращая въ цвѣтѣ дней....
Тутъ было чистое злодѣйство,
Но наши новые жрецы
Втирались въ мирныя семейства
И утучнялись какъ тельцы....

Но все же этимъ аферистамъ
Не такъ продѣлка удалась
Какъ арлекинамъ журналистамъ.
Въ нихъ оцѣнить ты можешь насъ.
Вотъ знаютъ гдѣ и какъ ударить!
Вотъ мастера-то чортъ возьми!
На счетъ умовъ въ карманахъ шарить,
И слыть честнѣйшими людьми!
Сбирая дани съ Музъ и Грацій
Натурой, деньгой, тѣмъ и тѣмъ
Они для вѣрныхъ спекуляцій
Какихъ не строили системъ!

Ужь въ чемъ другихъ не увѣряли
Не вѣря ровно ничему!
Казалось всѣмъ — они лишь знали
Что неизвѣстно никому!
Родъ человѣческій такъ падокъ
Вѣдь на таинственность: они
Какъ сфинксы, полные загадокъ
Являлись черни въ оны дни!
Отъ нихъ услышать голосъ божій
Къ нимъ собиралися толпы
Великодушной молодёжи,
Чуть не цѣлуя ихъ стопы.
И сфинксъ, въ нихъ разжигая страсти,
Себѣ прокладывалъ въ тиши
На ихъ плечахъ дорогу къ власти,
И съ благородства ихъ души
Сбиралъ тихонько барыши.
Такъ шарлатанствомъ и коварствомъ
Опять вступили мы въ почетъ,
Опять правленье государствомъ
Вручилъ намъ вѣтреный народъ, —
И — мы попали въ депутаты....
О, если бъ видѣлъ ты палаты!
Вотъ маскарадъ-то! шумъ и гамъ!
Куда ни взглянешь — тутъ и тамъ
Все арлекинъ на арлекинѣ
Въ патріотической личинѣ!...
Ну, тутъ пошелъ такой кутежъ,
Что ужъ теперь не разберешь!
Во имя братства и свободы

Мы взбаламутили народы,
Имъ обѣщая дать уставъ —
Какъ жать не сѣявъ, не пахавъ.
Хоть правда два-три человѣка
Наладить думали ходъ вѣка, —
Да гдѣ имъ? Главная то часть
Была у насъ — казна и власть,
Въ рукахъ — голодной черни стая,
Толпа фанатиковъ слѣпая
Да бѣглецы со всей земли.
Такъ мы въ республику сыграли,
Потомъ имперію создали,
Въ парламентъ англійскій вошли....
И два враждебные народа
Сдруживъ для Крымскаго похода,
На помощь Туркамъ повели....
Все бъ это ничего, конечно,
Когда бы въ то, что мы творимъ,
О чемъ мы пишемъ и кричимъ,
Мы вѣрили чистосердечно, —
Нѣтъ, вѣры нѣтъ въ насъ на алтынъ!
Вѣдь смѣхъ: почтенный господинъ
Громитъ съ трибуны — плещутъ массы,
А подо всѣ его возгласы,
Въ душѣ витіи арлекинъ
Толпѣ коверкаетъ гримасы! —

Я самъ.... Да что и поминать!
Увы! nessun maggior dolore,
Какъ вспоминать про счастье въ горѣ!

Насъ стали тамъ ужъ понимать.
Народъ — не тотъ, что пьетъ и пляшетъ,
А тотъ, который жнетъ и пашетъ,
Сталъ дѣло кажется смекать;
А этихъ пахарей печальныхъ,
Отцовъ семействъ патріархальныхъ,
Возросшихъ средь лѣсовъ и горъ,
Мы очень трусимъ съ давнихъ поръ....
Къ тому жъ еще ударъ жестокой.
Оскорблена въ душѣ высокой
Ужъ видитъ наша молодежь,
Что силы, умъ ея, здоровье
Погибли, защищая ложь,
Въ великолѣпномъ пустословьѣ!
И многіе въ душѣ своей
Даютъ обѣтъ — отъ критиканства,
Отъ пустоты и шарлатанства
Предохранить своихъ дѣтей....

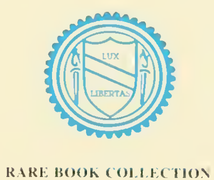
Я думалъ — ужъ не дать ли тягу,
Да здѣсь въ Россіи покутить....
Но какъ наказанъ за отвагу!
Не знаю, какъ и пережить!
Вѣдь вы одни для насъ и грозны.
Вы слишкомъ вообще серьезны.
Я здѣсь безъ вѣсу, безъ гроша.
Иначе тѣшится Россія!
У ней и въ смѣхѣ есть душа.
И въ шуткахъ — думы вѣковыя!
У васъ есть вѣра въ вашу Русь —

А вѣдь и камни движетъ вѣра!
Нѣтъ, я ошибся. Признаюсь,
Ужъ вотъ урокъ-то! вотъ карьера!
Мальчишка дергаетъ шнурокъ,
А я и прыгай что есть ногъ,
Пока не пуститъ онъ шнурочка!...
Послушай, сжалься надо мной!
Пусти меня! Сними съ гвоздочка!
Мнѣ, право, надобно домой!
Идетъ къ концу арлекинада —
Такъ приготовиться мнѣ надо
Собой украсить мавзолей
Великихъ тамошнихъ людей.

═

ОГЛАВЛЕНІЕ.

185

LUX
LIBERTAS